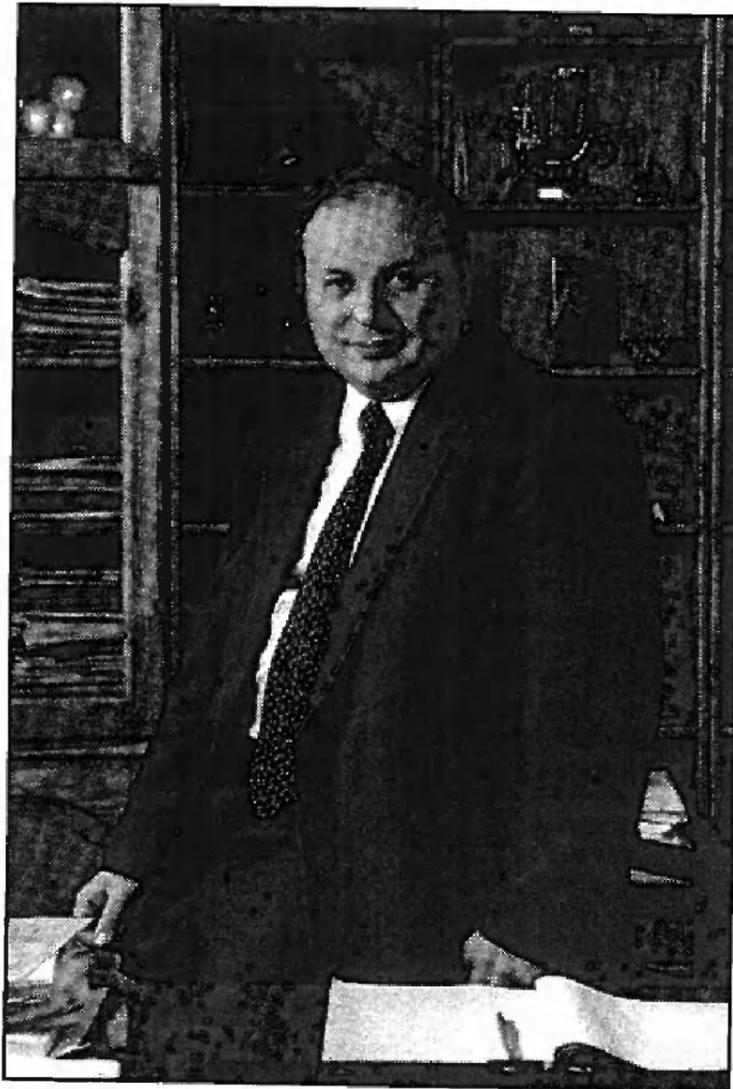

"Открытая политика" 6(31)
июль 1999

**"Мы как всегда
мы как всегда
в критической точке"**

Егор Гайдар отвечает на вопросы "Открытой политики"

— Егор Тимурович, стоит ли зайти разговору о новом правительстве — думская оппозиция сразу начинает пенять на то, что с новыми министрами "смены курса не произошло". Скажем, Зюганов — тот просто охарактеризовал новый Кабинет как "третье издание правительства Гайдара, только с зубами Чубайса". Явлинский же, питавший, по-видимому, некоторые надежды на то, что премьером станет он сам, не представил обществу сколько-нибудь убедительной программы работы правительства, последовательно проводящего реформы. Иными словами, слышны только заявления о необходимости "смены курса" — и никаких внятных разъяснений о том, что за этим понятием стоит. Как бы вы прокомментировали подобные заявления наших видных оппозиционных политиков?

— Первое, о позиции коммунистов, требующих смены курса. Всегда пытаюсь понять, что они, собственно, имеют в виду, но они хранят это, как великую военную тайну. Какой курс, собственно? Правительство Черномырдина на протяжении последних пяти с половиной лет реализовало самые разные курсы. Если подразумевается печатанье не обеспеченных ничем денег — так оно это активно делало в 1994 году. Если речь идет о популистских решениях и решениях в пользу той или иной так называемой группы интересов, то весь 1996 год — и первая его половина, и вторая — был посвящен именно этой практике. Ес-

ли имеется в виду тот курс, который начал реализовываться где-то с марта 1997 года, после президентского Послания и реформирования правительства, — да, это хороший курс, я его в полной мере поддерживаю, но само правительство сбилось с него по крайней мере в ноябре, хотя начало сбиваться еще летом, в августе.

Короче говоря, этот эвфемизм, "смена курса", — он, по-моему, что-то скрывает. Что же? На мой взгляд, реальность, что ни коммунисты, ни Григорий Алексеевич Явлинский не могут внятно, по возможности с цифрами в руках, сказать — а что они, собственно, предлагают делать в российской экономике.

Курс, если говорить о нем всерьез, воплощается в некоторых простых квалифицированных решениях. Это: бюджет, бюджетные приоритеты, доходы—расходы бюджета, налоговая политика, политика контроля за государственными расходами. Есть еще торговая политика, регулирование естественных монополий, мера адресности социальной защиты. Военная реформа — проводить ее или не проводить? Короче, все это вещи, весьма и весьма понятные с точки зрения технологии претворения их в жизнь. И все они крутятся вокруг вопроса о том, откуда взять деньги и как их разумным образом потратить.

Очень красиво, стоя на трибуне, махать кулачком и требовать смены "антинародного курса реформ". Очень трудно сохранить ту же позу и тот же машущий кулачок, если вошел в кабинет и, приступив к работе, должен прикидывать: вот у нас наши ресурсы, вот бюджет, вот законодательство, вот это Дума приняла, это не приняла — что конкретно будем делать? И обнаруживается, что прежняя популистски привлекательная риторика выглядит на самом деле несолидно.

Что касается того курса, который правительство избрало сегодня и который является преемственным по отношению к курсу второй генерации либеральных реформ, обозначенному Ельциным в президентском Послании 1997 года (по существу, документ этот был не обычным ежегодным обращением к Федеральному Собранию — он представлял стержень экономической политики Ельцина на весь его второй президентский срок), — у этого курса действительно разумной альтернативы нет. Можно, конечно, пытаться сбиться с него, но плата будет очень дорога.

На самом деле, все, что выстраивается противниками поперек обозначенного курса, делится на две части. Одна — это некие слова, за которыми ничего, по сути не стоит: какие-то красоты, которые невозможно перевести на язык нормативных документов, бюджетных решений. Это очень хорошо получается у Г.Явлинского — красиво, но в бюджет не перепишешь. Другая — это закамуфлированная в ту же упаковку простая идея: давайте снова печатать деньги, и тут вот счастье и наступит. Но дело в том, что общество у нас за это время немножко поумнело, и присутствовавшие в 1992 году общие убеждения, что если напечатать много денег, то будет много счастья, разделяются уже далеко не всеми. Вот поэтому, скажем, Явлинский в 1993, 1994, 1995 годах открыто выступал за включение печатного станка (это есть во многих его выступлениях, программных документах и т.п.), а в последнее время такие вещи уже открыто не говорят. Поэтому оппозиции желательно заявить о необходимости смены курса, но так, чтобы поумневшее население не побежало тотчас менять рубли на доллары, едва лишь прослышит о возможности появ-

ления в правительстве авторов подобных заявлений или их представителей.

— Вернемся к так называемому правительству Черномырдина. Пресса активно обсуждала вопрос, почему же все-таки сняли Виктора Степановича, и ряд авторов все связанное с этой отставкой авторитетно объясняли то "дворцовыми интригами", то ставшей чуть ли не хрестоматийной (для СМИ) непредсказуемостью президента. Появлялись кое-где утверждения, будто правительство Черномырдина — это второе издание правительства Гайдара: как известно, Виктор Степанович стал в последнее время заядлым монетаристом и заявлял об этом прилюдно. Может, он был снят за это?

— Я напомним, что Виктор Степанович Черномырдин, выступая на заседании правительства, сказал: "Да, мы монетаризмом занимаемся, но плохо занимаемся". Я думаю, что, скорее всего, его сняли за вторую часть этой замечательной фразы.

Что касается "второго издания" — на самом деле, ведь не было одного правительства у Черномырдина. Было по меньшей мере пять или шесть правительств, которые формально носили это название. И это очень разные правительства — по своему составу, по политике, которая ими проводилась. Собственно, политическое долголетие Черномырдина объясняется не чем иным, как тем, что он оказался способным проводить самые разные линии, возглавлять самые разные правительства. В этой связи, конечно, правительство Черномырдина не было никогда "вторым изданием" правительства Гайдара.

Да, в отдельные моменты линия

правительства Черномырдина начинала приобретать черты той, которую реализовывали бы мы в этом положении. Скажем, с весны по лето 1997 года правительство Черномырдина было максимально близко к тому, что можно было бы назвать правительством гайдаровским. Но еще раз подчеркиваю, что это было все-таки черномырдинское правительство, потому что возглавлял его Черномырдин, а не Гайдар, — человек с совершенно другими представлениями об экономике, жизни, управлении правительством и т.д.

И Кириенко, кстати говоря, — это совершенно не Гайдар, его правительство — тоже не "второе издание" правительства Гайдара и не третье; это — правительство Кириенко. Да, есть некоторые элементы сходства — это более командное правительство, чем правительство Черномырдина и, видимо, в какой-то степени сопоставимое с Кабинетом конца 1991—1992 годов. Но это совершенно другое правительство, которое находится в совершенно иной ситуации. И потому оно гораздо более спокойное, гораздо менее политизированное, не революционное. У нового правительства совершенно другие конституционные полномочия, неизмеримо более широкие, чем были у нас. Условия у него гораздо более комфортные, нет этого огромного источника проблем, связанного со спонтанным законодательством Съезда народных депутатов. Оно в некотором смысле более прагматично, чем правительство Гайдара, потому что тогда ситуация была уж очень критическая и идти работать в правительство было огромным риском, желающих находилось мало. Так что это другое правительство, правительство людей, кстати, другого поколения, с другими приоритетами — но и с некоторыми чертами сходства.

— Как вы считаете, свидетельствует ли последняя смена Кабинета о понимании президентом необходимости превращения правительства в некий хозяйственный орган, который бы действовал по принципу профпригодности каждого из министров и всего Кабинета в целом, а не по принципу политизации его функций, отдельных фигур?

— Я думаю, что в какой-то степени это так. Вот мое представление об этом решении. У президента есть два года еще из его второго срока. То, что будет в 2000 году, в колоссальной степени зависит от эффективности работы его правительства. К началу 1998 года правительство в том виде, в котором оно существовало, было очень устойчивым, как бы очень укоренившимся с точки зрения привычности и т.д. Это с одной стороны. С другой — оно было в то же время очень внутренне разделенным, в большой степени озабоченным своими отношениями с разными группами интересов, сферами влияния, распределением полномочий и т.д. И потому как командная организация оно было крайне малоспособным.

Иными словами, если задача состояла в том, чтобы как-то протянуть до 2000 года, ничего толком не решая, то лучше этого правительства не было. А если задача состоит в том, чтобы за эти два года провести набор реформ, которые долго-долго по разным причинам пробуксовывали, но без которых Россия в приличном виде к 2000 году не подойдет, — то это правительство абсолютно не годилось. И что немаловажно — на этом правительстве висело колоссальное бремя ответственности за прошедшие пять с лишним лет.

Представим себе: все эти годы в России, с ее бурным переходным

периодом, огромными перепадами в развитии экономики, правительство возглавлял премьер-министр, являющийся самым большим должителем на этом посту в Европе после Коля. В такой ситуации правительство неизбежно обрастает грузом собственных ошибок, связей, обещаний, обязательств. И вот тут, никак его радикально не поменяв, ты эти связи не разорвешь, от всего этого груза не избавишься. Можно десять раз вызывать Черномырдина и говорить: прекрати покровительствовать тому-то и тому-то — он даже согласится, но только ничего из этого не последует. Для Ельцина ситуация, на мой взгляд, была предельно проста: он не может получить дееспособное правительство, радикально не дестабилизировать ситуацию. И он не может сохранить стабильность и одновременно получить дееспособное правительство. Получается все привычно, замечательно, здорово: к Черномырдину привык президент, привыкла Дума, всем хорошо, всем спокойно. Но только вот правительство при всем этом не будет работать так, как надо.

Новый человек — как чертик из коробочки. Кто он? Человек, который не связан со всеми предшествующими историями, человек, который воспринимается как пришедший со стороны. Вместе с тем, человек, который в принципе ориентирован на реформы, хочет реализовывать эту линию и — который не связан в то же время массой привходящих обязательств. Ельцину не нужен на этом месте политик, не нужен на этом месте человек, который будет сейчас заниматься своей президентской кампанией. Ему нужен был тот, кто способен эти два года решать в рамках его президентской структуры проблемы российской экономики, причем наверняка либерал.

По-видимому, не без колебаний (он сам об этом, возможно, расскажет или напишет) президент в конце концов остановился на Кириенко, человеке: а) молодом, б) немосковском, в) не связанном с какими бы то ни было сильными и влиятельными группировками, г) не несущем ответственности за тяжелый предшествующий путь. Предположительно, что и действовать он будет технологично и профессионально. В общем, жизнь покажет, насколько это решение было эффективным, но, по крайней мере, странным и диким, как это подавали многие СМИ, оно мне не кажется.

— Егор Тимурович, *“Независимая газета”* по своему обыкновению легко определила, кто чей человек, и пришла к выводу, что *“Сергей Кириенко сформировал правительство Чубайса”,* правительство, *“которое будет руководствоваться идеями экономического либерализма крайне правого толка”*. На фоне неоднократно назначавшейся той же самой *“Независимой газетой”* гибели либерализма есть ли вообще перспективы у либерального правительства?

— Вообще-то, с гибелью либерализма у нас очень занятно. Я помню, в начале 1997 года Евгений Киселев посвятил длинную передачу в *“Итогах”* гибели российского либерализма, а г-н Третьяков напечатал огромный материал по тому же поводу. Видимо, подобные выступления ведущего популярной программы и редактора *“НГ”* надо понимать в том смысле, что их хозяевам либерализм сейчас совершенно не нужен, и поступил заказ на то, чтобы либерализма не было.

Буквально через месяца полтора после этого президент Ельцин

выступил со своей самой, пожалуй, либеральной речью последних лет — президентским Посланием 1997 года, где начертил очень развернутую, подробную, технологически ясную программу либеральных реформ как программе следующих лет своего президентства. Потом правительство начало реализовывать эти реформы, реформы стали идти и давать результаты.

Что же у нас все-таки получается с либерализмом? Либеральные реформы в России неизбежны. Из той точки, в которой страна оказалась сегодня, никакого иного осмысленного экономического курса нет. Еще раз подчеркиваю — можно метаться, можно начинать печатать деньги или раздавать индивидуальные льготы и называть это научной политикой, но, пометавшись, ты вынужден будешь все равно поворачивать на курс либеральных реформ. Потому что так устроено сегодняшнее положение России. Потому что у нее такая предшествующая история. Потому что больше налогов ты не вышибешь из этого общества, в этой связи больших расходов не профинансируешь. Значит, нужно идти по пути рационализации расходов, ограничения бюджетных обязательств той сферы, которая действительно необходима, очищения и упорядочения налоговой системы, снижения налоговых ставок — короче говоря, идти к обществу, где не очень высокие налоги, эффективное и экономичное государство, хорошо налаженный контроль за расходованием государственных средств, равные правила игры и т.д. Это по своей природе и есть суть экономического либерализма.

Если бы, скажем, было реальным выжать из этой экономики в два раза больше доходов — налогов, стоит только постараться, и тогда всем можно дать, можно бы-

ло бы предположить, что здесь есть база для дележистской, социалистической и т.д. политики. Это как раз то, что пытались сделать неоднократно. Последний раз в утвержденном бюджете 1996 года. Все это, однако, заканчивается двумя путями: либо инфляционным взрывом, как в 1994 году, либо массовой невыплатой зарплат и пенсий, как в 96-м, 97-м. Ничего другого не получается. Ты можешь некоторое время не платить зарплаты и пенсии, можешь некоторое время печатать деньги и получить себе обвальное падение рубля.

— Но потом...

— Потом все равно придется тяжело возвращаться на тот же самый либеральный путь, принимать те же самые основные либеральные меры, перечитывать, что там было написано у либералов по этому поводу. И дальше — строгие пределы. Вот почему в России экономический либерализм — это не проклятое прошлое, это совершенно неизбежное будущее. С другой стороны, то, что надо делать, — делать тяжело. Потому что это входит в противоречие с интересами крупных финансово-информационных групп. Им не нужны равные правила игры, их не интересует эффективность расходования государственных средств, их интересует возможность присосаться к ним и их разбазарить. Значит, с ними правительство неизбежно конфликтует.

И еще. Меры по реструктурированию бюджетных обязательств — это всегда меры непростые, так как бюджет — это средства, собранные налогоплательщиками на определенные нужды. Однако всегда есть "встроенные", так сказать, интересы, направленные на то, чтобы эти деньги тратились не так, как было запланиро-

вано, или вообще разворовывались. А налоговая реформа — к ней тоже отношение двойственное. Да, для тех, кто платит налоги, налоговая реформа — это, конечно, манна небесная, потому что она позволяет снизить реальное налоговое бремя. А для тех, кто не платит налоги и поступает так абсолютно осознанно, — это наступление на их права. Между тем формула налоговой реформы — это низкие налоги, которые платят все.

В этой связи либеральная программа, которую надо реализовывать, это курс, экономически жестко заданный, а в социально-политическом плане очень конфликтный. Поэтому, собственно, и движение идет по принципу: "два шага вперед, шаг назад".

— Но возвращаться труднее каждый раз.

— Возвращаться каждый раз труднее. Именно поэтому, кстати, либерализм так не нравится хозяевам "Независимой газеты" и НТВ.

— Егор Тимурович, вы высказывали сейчас предположение, что президенту за оставшиеся два года надо действительно добиться какого-то положительного результата, который бы увидели, оценили большинство россиян. Но ведь два года — это все-таки не четыре. Как на фоне "тающего" президентского мандата и усиления власти в регионах, резких движений губернаторов, вплоть до угрозы сепаратизма, будет работать с новым правительством?

— Угрозы сепаратизма, я думаю, по большому счету, сейчас нет. Никто этим всерьез потрясать не будет. Скорее, это предвыборная риторика, чем реальные дви-

жения. Территория России — это исторически единое пространство.

Что касается отношений центра с регионами, конечно, это очень серьезная проблема. И, кстати, не удивительно, что новое правительство в первую очередь занялось этими проблемами. Одной из первых проблем, которую обсуждало правительство, была программа реформы межбюджетных отношений. Один из первых документов, который подписал президент по представлению Кириленко сразу после утверждения последнего премьером, — это указ, который резко расширяет возможность федеральной власти контролировать финансовые потоки в регионах. На самом деле, у Федерации есть масса мощнейших рычагов воздействия на региональные структуры. Вопрос только в том, в какой степени действия федеральных властей, принимаемые с этой целью, будут скоординированы. Если скоординированы — я вас уверяю, что любой губернатор поймет: вести себя хамски по отношению к федеральной власти на редкость бессмысленно.

— Давайте немножко пофантазируем. Мы сейчас говорили о неизбежности либерального пути развития страны, но, тем не менее, мы сейчас там, где мы есть. Давайте попробуем представить себе, где бы мы были, если бы у президента были в 1992 году те полномочия, которыми он располагает сейчас. Если бы первое правительство реформ, как его называют, задержалось у власти и продолжало то, что оно начинало.

— Не знаю, сохранилось бы наше правительство или не сохранилось бы, но если бы на протяжении всех последующих лет проводилась действительно гайдаров-

ская политика, то есть политика либеральных реформ, то совершенно нетрудно догадаться, где бы мы были. Для этого надо посмотреть просто на, скажем, Польшу, страну, при всех своих различиях, очень близкую к России по предшествующей истории, по трудному пути вниз, а потом — по началу реформ.

Что можно сказать? В 1994 году можно было бы ждать начала экономического роста, к этому периоду у нас валовой внутренний продукт вырос бы по меньшей мере на 20%. Существенно росли бы реальные доходы населения. Конечно, не было бы проблем с задержками зарплат и пенсий. Россия была бы гораздо более привлекательной для иностранных инвестиций и рассматривалась в качестве стабильной. Была бы одной из самых быстрорастущих стран Европы. При этом была бы проведена уже давно налоговая реформа, налоги были бы существенно понижены. Одновременно была бы проведена реформа социальной защиты, помогали бы действительно нуждающимся, помогали целенаправленно, не размазывая выделяемых для этой цели средств. Естественно, была бы проведена военная реформа (реально она началась в 1997 году), армия стала бы меньше, но уже была бы реформирована под новые задачи и имела бы ограниченное число частей — но частей боеспособных, укомплектованных, были бы деньги на боевую подготовку.

Что еще обязательно было бы? По-прежнему с экрана телевизора мы слышали бы об антинародном курсе, о страшном кризисе, который мы переживаем, — вот это было бы неизменно. Как в Польше. Вот я сейчас написал комментарий к книжечке Яцека Куроня, там очень хорошо видно, как очевидные экономические достижения вызывают резкое неприятие:

слишком велика дистанция между безумными ожиданиями постсоциалистической эпохи, что сейчас придут и сделают красиво, как в Америке, и реалиями. Ожидания, о которых я говорю, были в Польше очень сильными. И зазор между ними и реальными достижениями по-прежнему сохраняется.

В России дело обстоит бы примерно так же. То есть была бы динамично развивающаяся, богатая, стабильная страна, с хорошими перспективами, где общество крайне недовольно тем, что в ней происходит.

— И, наверно, последнее. Будущий год — год выборов в Думу, а нынешний год — год создания и разрушения различных блоков, коалиций. Относительно ДВР, что вы хотели бы сказать по поводу возможной конфигурации блока?

— Что можно здесь сказать. Первое. Важнейшей, на мой взгляд, задачей является создание дееспособного, правоцентристского блока, способного преодолеть пятипроцентный барьер. Это очень важно, я считаю это важнейшей задачей ДВР. Не простая задача, мы в этом неоднократно убеждались. Это не задача, которую можно решать только в рамках московской тусовки, потому что очень многое будет зависеть от возможности вовлечь в этот блок активных региональных политиков, региональные элиты, если они обладают демократическим характером. В общем, сложная задача, но я очень надеюсь, что ее удастся решить. Говорить же уже сейчас о конкретной конфигурации блока еще рано.

Вели беседу
Никита Бажов и Александр
Молдавский

* * *

Когда интервью с Е.Гайдаром было уже готово к печати, российские финансовые рынки вновь залпхорадило. Редакция журнала посчитала нужным еще раз обратиться к Егору Тимуровичу с просьбой проанализировать текущие события.

— Прокомментируйте последние драматические события на финансовых рынках.

— Базой последних событий на российских финансовых рынках было сочетание группы факторов. Первое — фактор внешний. Это продолжающаяся нестабильность в Юго-Восточной Азии, события в Индонезии, ядерные испытания в Индии — все это породило общий отток средств финансовых рынков, привело их снова в состояние нестабильности. А это — положение, при котором они очень сильно реагируют на новости, поступающие и с той, и с другой стороны.

— Вы имеете в виду глобального инвестора?

— Конечно, спекулятивный инвестор — он там, там и там, он смотрит, где что происходит, откуда надо бежать и куда надо бежать, и он очень пуглив в некоторых ситуациях. В стабильных, нормальных условиях все хорошо, а в таких ситуациях, как сейчас, он очень пуглив, он реагирует на шорох. А тут из России пошло несколько подряд нехороших новостей. Первая из них — это, конечно, подписание закона о РАО ЕЭС, который ограничивает владения иностранцев 25 процентами акций. Возникло пред-

ставление о том, что права эти могут быть ущемлены.

— *А почему так спокойно, тихо, безропотно власти приняли этот закон?*

— Небезропотно. Президент дважды накладывал вето на этот закон. Однако недоумение рынков вызвало то, что президент его подписал (он просто обязан был его подписать) и не было никаких комментариев, заявлений. Они появились, но через пять дней. Конечно, рынок прекрасно знал, что президент подпишет этот закон, но ждал, что президент подпишет закон и вот как раз тогда и будет сказано то, что было сказано потом: закон противоречит Конституции и Гражданскому кодексу, что в этом виде он выполнен быть не может, что будет обжалован в Конституционном и Верховном судах и что правительство ни в коем случае не пойдет ни на какие меры, которые ущемляют права акционеров. Собственно, все это было сказано, но только через пять дней после того, как пошла волна неуверенности.

Вторая неприятность — это введение временной администрации в ТОКОбанке. Этот большой банк, взявший довольно заметный кредит на Западе, рассматривается в мире как одна из главных наших банковских систем. И введение там внешнего управления было сигналом к тому, что банковская система России очень серьезно больна.

Третье обстоятельство — это абсолютно безответственное заявление г-на Кармокова, председателя Счетной палаты, с предложением не платить по ГКО, а сделать так, как сделали в 50-х годах, — по просьбам трудящихся отсрочить платежи на 20 лет. Конечно, любой сведущий российский человек знает, что г-н Кармоков на

финансовую политику не влияет. Но для мира заявление председателя аудиторской палаты о том, что надо отсрочить долг, было, конечно, очень тревожным симптомом.

Ну и, наконец, вырванные из контекста и полностью извращенные слова Дубинина о том, что если проводить безответственную политику, то будет финансовый кризис, поэтому проводить ее не надо. Интерпретировали их так, что будет финансовый кризис. Это тоже не помогло.

— *Вы не назвали накат, довольно скоординированный, на сам механизм ГКО...*

— Дальше в это включается активная игра тех, кто хочет играть на понижение. Ведь если принимаешь решение, что валютные ценные бумаги страны падают, ты всегда можешь на этом подзаработать, скоординированно сыграть. И когда я читаю, скажем, в "Независимой газете" статью о неминуемом крахе ГКО и зная, что ее в английском переводе немедленно раздали на проходившей на этой неделе крупной инвестиционной конференции в Турции, то я понимаю, что кто-то играет активно против позиций рынка.

— *Вы имеете в виду конкретные финансово-информационные группы?*

— Я тут боюсь называть конкретных игроков, но то, что был набор неблагоприятных факторов и на этот набор неблагоприятных факторов наложилась явная, совершенно сознательная игра против рубля и против российских ценных бумаг, совершенно очевидно.

Проблема состояла в том, что правительство несколько вяло реагировало вначале на все эти события. Начало все это разверты-

ваться с 13 мая, а 13, 14, 15 мая реакция правительства, Центрального банка была очень невнятна. В пятницу-субботу крупнейшие, авторитетнейшие газеты вышли с очень негативными материалами о российских рынках. Естественно, надо было ждать, что в понедельник начнется обвал рынка. Собственно, что и произошло. Но, к счастью, правительство, Центральный банк сумели за это время скоординироваться, выработать программу действий абсолютно правильной направленности и начали ее реализацию с понедельника.

Программа включала: первое — четкое выявление приоритетов. Во время финансового кризиса нельзя иметь много приоритетов, нужно выделить главные. Правительство и Центральный банк сказали: главное — стабильность курса рубля, курс рубля будет стабильным, реальный курс, естественно. Обесценение рубля по отношению к доллару будет строго равно разнице между инфляцией в России и в Америке. Никаких радикальных перетрясок, девальваций, что абсолютно правильно, потому что в нашей стране девальвация рубля при предшествующей истории означала бы неизбежную потерю с трудом обретенного доверия к отечественной валюте, тяжелейшие последствия.

Если это главный приоритет, то дальше идут подчиненные. И главное — это, конечно, политика процентной ставки. Если мы решим защищать курс, то надо быть готовым в условиях кризиса повышать процентную ставку. Это неприятно, но неизбежно. И Центральный банк в понедельник радикально повысил процентную ставку. Реакция правительства и Центрального банка первые три дня была вялой, а вот в понедельник 18 мая все исправилось.

— Они недооценили проблему или чисто технически запаздывали?

— Я думаю, что недооценили. Второе. Что должно сейчас делать правительство? Правительство должно помогать Центральному банку восстанавливать доверие к национальным деньгам. Что это значит? Это значит четко определить, что оно само собирается делать в бюджетной политике, и определять это, исходя из реалистичных ориентиров, что нужно делать для того, чтобы не допустить обратного нарастания долга. Именно поэтому правительство принимает решение четко определить свои приоритеты. Его приоритеты — это ограничение заимствований, приостановка роста государственного долга, замещение дорогих кредитов более дешевыми, снижение процентной ставки.

А средство для всего этого — заимствования только для обслуживания накопленного долга и снижение дефицита бюджета. Это то, что правительство планировало, то, что оно сейчас заложило в свою программу, и то, что сейчас с конкретными решениями запускается.

Плюс ко всему, надо все это еще сделать публичным, довести это до инвесторов, чтобы они поняли, что, собственно, делает Центральный банк, какая будет валютная политика, какая будет процентная политика, какая будет бюджетная политика. Сейчас именно это, собственно, начали делать, и в этом залог того, что ситуацию удастся взять под контроль, если не будет крупных дополнительных неприятных внешних факторов и если, конечно, будет достаточно скоординированная работа правительства и ЦБ по реализации прибыли. Внутреннее политическое нагнетание тоже очень опасно.

Еще один фактор кризиса, кото-

рый нельзя не учитывать, — это внутренние беспорядки в стране, рост напряженности, блокирование железных дорог. Конечно, это не способствовало росту доверия к нам.

— Как реагируют на это международные финансовые институты, может быть, некоторая озабоченность особенная возникла в этой связи?

— Да, конечно, есть озабоченность. Я думаю, что есть и понимание того, что делает российское правительство, и готовность помогать.

— То есть они заинтересованы... Коммунистические газеты пестрят заголовками типа "Пожар разгорается!", "Рельсовая война с режимом".

— Разница позиций МВФ и коммунистов состоит в том, что для коммунистов провал правительства — это дополнительные очки, а для МВФ — это крупнейшая головная боль. Поэтому у них разные интересы.

— Можно говорить об эффекте "домино", что российская экономика и ее падение, соответственно, повлияют на какие-нибудь соседние страны?

— Без всякого сомнения. Но я думаю, что мы выйдем из этого положения. В принципе, конечно, падение российской экономики крайне неприятно для мировой экономической ситуации.

— А когда можно было бы при оптимистическом варианте развития событий ожидать серьезного возвращения инвесторов, которых в последние годы нам обещали...

— Возврат к тому огромному потоку средств, который был в 1997 году?

— Приход серьезного инвестора.

— В 1997 году это все было. Если сейчас этот кризис у нас преодолеть, развитие событий будет происходить политически стабильно, то я думаю, что установить обратно приток инвестиций можно в относительно короткие сроки. Потому что на рынке сейчас царят по отношению к России сочетания выражено "бычьих" и выражено "медвежьих" настроений. То есть много авторитетных экспертов, которые считают, что российский рынок будет резко дальше падать, и есть много авторитетных экспертов, которые считают, что сейчас будет перелом и он начнет резко расти. Как раз сейчас в любой внутренней нашей подвиге они могут очень здорово сказаться и могут направить развитие событий в другую сторону.

— То есть мы опять находимся в критической точке, в нашем обычном состоянии?

— Да, наше обычное состояние — это критическая точка выбора.

Беседовал В. Ярошенко
20 мая 1998 г.